

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Юлия Сабитова

Есть кто живой?

Юлия Викторовна Сабитова

Есть кто живой?

**Серия «Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68498675

Есть кто живой?:

ISBN 978-5-08-006752-5

Аннотация

Десятиклассник Максим – единственный ребенок в семье медиков, и родители видят в нем продолжателя их врачебной династии. Но как быть, если не переносишь даже вида забинтованных пациентов? Как отстоять свое право на самоопределение, не испортив отношения со старшими? Эти и многие другие подростковые проблемы: в школе, в компании сверстников, с девушкой – и предстоит решать герою повести.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

О конкурсе	7
Глава первая	19
Глава вторая	23
Глава третья	30
Глава четвертая	43
Глава пятая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Юлия Сабитова
Есть кто живой?

© Сабитова Ю. В., 2022

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Ремизова Е. Е., иллюстрации, 2022

© Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2022

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, что происходит до настоящего времени. Каждые два года жюри рассматривает от 300 до 600 рукописей. В 2009 году, на втором Конкурсе, был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ».

В 2020 году подведены итоги уже седьмого Конкурса.

Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри:

взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его подростковом «секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

С 2014 года издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. К началу 2022 года в серии уже издано более 50 книг. Вышли в свет повести, романы и стихи лауреатов шестого Конкурса. Планируется издать в лауреатской серии книги-победители всех конкурсов. Эти произведения помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для

детей и юношества» именно за эту серию.

– Вот уж от кого угодно, а от тебя, дружище, никак не ожидал! Ты хоть замечаешь, как превращаешься в ботана?

Мое воображение тотчас откликнулось на слова собеседника и в ярких красках нарисовало подходящий портрет. Это был хорошо знакомый тип, давно уже обитавший где-то в уголках памяти. Маленький, толстый, как и линзы его очков, за которыми зрачки проглядывали двумя темными размытыми лужицами. У него было две или три макушки, из-за чего вечно взъерошенные и лоснящиеся волосы легко делились на несколько проборов, образуя каскад на голове своего хозяина. Его коллега – худощавый дылда, тоже, разумеется, ботаник. Он вечно шурился, так как очки по убеждению не носил, и, возможно, заикался. В моей голове они ни разу не беседовали, поэтому в последнем факте я не был уверен. Эти ребята постоянно всплывали перед глазами, когда речь заходила о ботаниках. А теперь вот лучший друг, который раньше и слова бы против не сказал, послал меня напрямик к моим милым парням.

– И что ты ухмыляешься? – раздраженно спросил Антоха.

Растянувшись на скамейке, я смотрел на мрачное небо. Все-таки сумерки – худшее время суток.

– Знаешь, за такое можно и двинуть как следует, – единственное, что я мог произнести, не отвлекаясь от своих мыс-

лей.

– Давай попробуй, может, проснешься наконец!

– Тоха, разве я похож на ботана?

– Ты больше похож на вареную курицу с тех пор, как связался с *этим*...

– Ого! Да что не так-то?!

За секунду я вскочил на ноги – и следа не осталось от бывшего спокойствия. Пальцы машинально сжались в кулак, и я был крайне рад тому, что Тоха этого не заметил. Вот уже несколько минут он упорно ковырял землю носком своего ботинка.

– Пойдем, что ли, пройдемся до парней, надоело тут торчать, – пробурчал он вместо ответа.

– Иди, если хочешь, я – домой.

– Я бы на твоём месте пошел...

– Так в чем дело? Я тебя не держу!

«Интересно, – думал я, – надолго он затеял раскопки?»

Мне ужасно хотелось убраться отсюда, но сделать это первым, до того, как Антон прервет свое занятие, я почему-то не мог.

– Наша дружба...

«Дала трещину», – я мысленно опередил его, глубоко поразившись этим внезапным признанием.

– Наша дружба... она... она в какой-то степени под угрозой и зависит теперь от одного обстоятельства...

– Надеюсь, не от глубины этого кратера? Что ты пытаешь-

ся откопать? Или могилу ей роешь?

– Только не говори, что не замечаешь, как Чибис стал к тебе относиться.

– О, как я посмел прогневать великого Чибиса Первого! Какая кара постигнет меня теперь?! – произнес я, театрально воздев руки к небу.

– Тебя, может, и никакая; ты всегда выкручивался за счет своей... как ее... харизмы, вот! А меня он уже достал распросами о тебе и придирками своими. Не думай, что я о себе так уж пекусь, мне важнее тебя предупредить...

– Антошенька, милый, вы недавно изволили назвать меня вареной курицей, чем необоснованно возвысили в собственных глазах, потому что я ощущаю себя не больше чем желтеньким цыпленком под крылом заботливой мамочки.

Антоха вспыхнул. Он никогда не понимал и поэтому жутко не любил моих словесных дурачеств, которые вроде бы напрямую не оскорбляли его, но все же оставляли после себя ощущение проглоченной обиды. Правда, вида он старался не подавать. Именно благодаря Антону мы почти никогда не спорили.

– Я обещал толпе, что мы придем сегодня вместе. Если нет... не знаю... я не смогу пока встречаться с тобой, – последние слова он выпалил на одном дыхании.

За все пять лет нашей непрерывной дружбы это был первый раз, когда Антон сам принял до такой степени ответственное решение. Он вдруг притих и отвернулся к дорож-

ке, делая вид, что рассматривает замысловатый узор осенней аллеи. Но я-то знал причину. Дело в том, что Антон давно страдал одной особенностью, которую считал самым главным своим недостатком, скорее даже дефектом. В моменты наивысшего волнения верхнее веко его левого глаза начинало предательски подергиваться. Нельзя сказать, что он моргал как светофор, но все же это было достаточно заметное явление. Правда, оно несло в себе и некоторые положительные моменты. Поскольку шансы на списывание у Антона были равны нулю, ему приходилось усиленно зубрить весь пройденный материал перед каждой итоговой работой, что, естественно, благоприятно сказывалось на его успеваемости. Обладая вполне заурядными способностями, он из одного только чувства страха перед своей слабостью оставался незапятнанным ударником до самого десятого класса. Но зубрежка никак не могла помочь ему, если речь шла о взаимоотношениях с окружающими. Тогда Антоха придумал для себя спасительный жест: он подпирал щеку ладонью и отставлял мизинец в сторону, таким образом прикрывая свое непослушное веко.

Его трусость не стала для меня откровением, я всегда о ней знал и любил его за это качество. Seriously, любил! Если подумать, трусость и страх – самые честные человеческие чувства. Люди никогда не выдумывают их, не приписывают себе специально, наоборот – стараются прятать за масками лени, мнимого спокойствия, злобы, наконец. Тогда как избытые идеалы – силу, участие, сердечность, доброту – они, вернее, мы в лучшем случае порой вызываем в себе искусственно, в худшем – занимаемся самообманом и обманом окружающих.

Первый раз Антоха попытался скрыть от меня свою трусость. Первый раз он хотел казаться кем-то другим. Глупыш... Идиотская попытка. Он и не догадывается, как ему

повезло! Такие люди, как он, не меняются. Никогда! Его сущность не выкатит ему сюрпризов вплоть до самой старости. Какого черта тогда он вздумал?.. Или нет... Конечно же! Это я идиот, товарищи ботаники (будьте хоть вы со мной в эту историческую для меня минуту)! Дело обстоит совсем иначе: меняется не Антон. И эта трещина, мысль, опередившая всё, она не в нашей дружбе – она во мне. Я еще не раскололся надвое, но уже не целое. Тоха больше по привычке липнет ко мне, к первой моей части; вторая же, которую я сам для себя только что открыл, для него чужая. Он плохо сходится с новыми людьми – вот и бесится, а я тяжело расстаюсь со старыми – вот и терплю.

Глава первая

В конце девятого класса руководство школы решило устроить тотальную чистку с последующей тщательной сортировкой. Это как игровой набор для малышей – я помню, на даче он постоянно попадался мне на глаза. Набор представлял собой небольшую коробочку, в крышке которой проделаны отверстия различных форм, и фигуры, подходящие к этим отверстиям. Там были овал, круг, квадрат, треугольник – много их было разных. Но даже если выбрать внешне между собой схожие, они не проходили в отверстие, предназначенное для другой фигуры. С одной стороны, это вызывало интерес, с другой – создавало какую-то ограниченность выбора, убивало все попытки проявить фантазию. Для чего вдруг понадобилось применять этот принцип в школе? Кто их поймет... Может, учителям проще, когда в одном классе собираются уже отсортированные, – не нужно приглядываться и ломать голову над формами.

В связи с этим решением создали три направления. В «А» класс собрали математиков – много-угольников или, как любил выражаться физрук, откровенно считавший их сборищем бессильных хлюпиков, – «алгеброидов». Отбор туда действительно был жестким и честным. Из наших его прошли только пять человек – реальные алгеброиды. С некоторыми из них я не общался месяцами просто потому, что не

знал математического кода, по которому работают эти очкастые ребята, так что не сильно жалел о расставании.

Следующим классом был биологический «Б» с прозвищем «ботаники», но правильнее было бы назвать их «блатные». Как и алгеброидов, их отбирали по экзаменам, но по факту в этот класс попали исключительно дети медиков или тех, кто хоть как-то был связан с медициной. Остальных разделили поровну и обозвали «гуманитариями». Стопроцентные круги – свои ребята!

Оглашение всех этих мероприятий на общем собрании привело к тому, что школа превратилась в один занудный квест под названием «Урви место своему ребенку». В просторном, обычно полупустом коридоре, ведущем в учительскую, теперь постоянно курсировали взад и вперед родители, ищущие встречи с директором, завучем или бывшим классным руководителем.

Я не понимал, к чему прикладывать такие усилия; я был счастлив уже тем, что перевелся в десятый класс и вполне комфортно собирался провести последние два года в обществе друзей-гуманитариев, не особо задумываясь над своей дальнейшей судьбой.

Беспечное существование длилось до тех пор, пока в один из последних учебных дней в школу не заглянул отец. И что ему вздумалось вот так, без предупреждения? Встретившись со мной в коридоре, он ласково потрепал меня по голове и, ничего толком не объяснив, уверенной походкой прошел в

кабинет директора. Он пробыл там не больше десяти минут, а я за это время, как выяснилось позже, успел превратиться из круга в классический овал... или кто они там, эти ботаники...

– Прости, Максим, я абсолютно не понимаю твоей реакции, – успокаивала меня мама вечером. – Что плохого в том, что папа о тебе беспокоится? Тебя бесит, что он переговорил с директором? Но для него это было совершенно несложно. Да и Анна Владимировна только рада пойти нам навстречу. Так или иначе твое будущее связано с медициной, и эти два года дополнительной подготовки совсем не лишние. А в гуманитарном классе... – Мама запнулась, видимо раздумывая, чем же занимаются в гуманитарном классе. – В гуманитарном, что там у них – литература, история... Это же для девочек, сынок!

Свою речь она произносила не так, как обычно обсуждала что-то важное, – сидя на диване, взяв меня за руку и глядя в глаза. Сейчас она говорила будто о пустяковом свершившемся событии – облокотившись о подоконник, поливая при этом самый колючий кактус из всей своей суккулентной коллекции.

– Когда у человека папа – заведующий первым хирургическим отделением, да и просто хирург от бога, а мама, к слову, довольно востребованный терапевт, глупо подаваться во всякие там юристы-журналисты, согласен? И не просто глупо, я бы сказала, непозволительно! Ты – ветвь могучего

семейного древа. Заметь, единственная ветвь!

Кактус совершенно не хотел впитывать воду. Одно неловкое движение – и грязная струйка, смешанная с частичками земли, торопливо побежала по подоконнику, оставляя за собой блестящий серый след. Мама уговаривала нас с колючкой одновременно – его попить, а меня подумать. И я думал. Думал о том, что она занимается его поливкой не чаще, чем один раз в месяц, а со мной о подобных вещах беседует не чаще, чем один раз в шестнадцать лет. Какова вероятность того, что эти события совпадут? Ничтожная, наверное, но ведь совпало же! Наверное, мы похожи с этим кактусом – он тоже вон колючий и круглый, и ничего ему не нужно, и никуда ему не деться.

Глава вторая

Все оказалось не так плохо, как я предполагал. Ботаники – нормальные ребята, без особых там их природных завихрений. Те, кого раньше называли «заучками», попав в этот класс, обрели гордое звание «целестремленных». Они наконец вышли из тени, стали движущей силой коллектива. Их маленькие странности, над которыми мы прикалывались все эти годы, вдруг резко эволюционировали в талант. Блатные же тыкались в разные стороны, пытались хаотично сбиваться в кучки, пока еще не понимая, по какому принципу выбирать окружение. Я выбрал для себя роль созерцателя. К чему суетиться, если за одной партой с тобой сидит Антоха – твой самый лучший друг.

Это была забавная история. После того как я целый вечер плакался Антону, что родители лишают меня самостоятельности, он, естественно, тут же проболтался своей матери. Тетя Алла подумала и пришла к выводу, что умные люди плохого для сына не выберут, и было бы чудесно, чтобы мы с Антоном продолжали учиться вместе. Но поскольку со вступительными экзаменами Антоха опоздал, а медиков в их семье не было ни в одном поколении, она обратилась за помощью к ближайшему знакомому врачу. Естественно, им оказалась моя мама. Заключительным звеном дальнейшей логической цепочки стал очередной визит моего отца к дирек-

тору. Только на этот раз я был абсолютно не против – пусть вмешивается! Ради хорошего человека не жалко!

Единственное, что огорчало, так это Нина Васильевна. Не она сама, конечно, а то, что теперь она классный руководитель десятого «В». Все правильно, все как положено: литература для гуманитариев, чего я ожидал? Только каждое утро, заходя в класс, я чувствовал, что приперся куда-то не туда. Из соседнего кабинета доносились общий смех и ее голос (интересоваться делами своих учеников было ее привычкой), и я испытывал жгучее желание бросить все и присоединиться к ним. Я застывал на пороге на несколько секунд, как будто у меня был выбор, и нехотя входил внутрь. Холодный металлический свет, гораздо ярче, чем в коридоре, с непривычки резал глаза. Я щурился, почти на ощупь пробирался в конец кабинета, плюхался за нашу парту и подпирал руками тяжелую голову. Дальше все приходило в норму. Несколько высказываний Антохи по поводу моей физиономии – и я уже ржал как конь. Внезапное чувство улетучивалось, не оставляя после себя ничего печального, но обязательно возвращалось на следующий день в том же месте в то же время, как будто боялось опоздать на свидание. Наверное, это и были первые признаки (почему-то хочется сказать «болезни», но ведь это не так; скажем, признаки того, чему я не сразу придумал название), только я понял это совсем недавно.

Мы проучились почти неделю, а классного руководителя нам так и не назначили. В учительской по этому поводу ве-

лись ожесточенные споры – то ли нас не могли поделить, то ли не удавалось никому впихнуть. По логике обязанности контроля нашего обучения должны были лечь на биологичку, но она не спешила к ним приступать, поэтому завуч лично держал нас на коротком поводке. А мне было наплевать. Какая разница – кто? Главное, чтобы не химичка, иначе это будет реальный ходячий кошмар! Для нее я что-то вроде укуса для соды: что бы я ни делал, в итоге она обязательно вспенится. Она меня ненавидит за одно только присутствие, хотя на ее уроках я обычно все время молчу. Ну да, на вопросы тоже не отвечаю и знаниями не блещу, но ведь и не травлю ее, как, скажем, Чибис. Не отпускаю в ее сторону всякие пошлые шуточки, но почему-то являюсь избранной мишенью. А ее меткости можно только позавидовать. Антоха однажды выдал, что я, скорее всего, напоминаю ей бывшего. Тогда я, конечно, от души повеселился, а сейчас думаю: «Ну а что еще, если не это?»

Имя классного руководителя нам назвали лишь к концу второй недели учебы. Им оказалась... Внимание! Снежана Анатольевна! Bravo! А-а-а! Что же я за везунчик?! Я мог теперь думать только об одном: «Она меня в порошок сотрет и использует его в какой-нибудь химической реакции».

Но так уж вышло, что в первые дни ей было совсем не до моих химических превращений. Она меня будто и вовсе не замечала, ходила с кислым лицом и вообще вела себя как запрограммированная: начинала говорить только после звонка

и исключительно по заданной теме, а со звонком на перемену тут же умолкала. Причиной была одна нехорошая история с Чибисом и еще двумя парнями. Ходили слухи, что в новом, гуманитарном, обществе они попытались сразу же установить что-то вроде жесткой системы кастового неравенства. Зная Чибиса, в этом можно не сомневаться. А зная Нину Васильевну, можно не сомневаться в том, что товарищ неприкасаемый вместе со своими брахманами тут же с треском вылетает из ее класса. Она так и заявила директору: «Либо я, либо они». Нужно быть идиотом, чтобы лишиться Нины Васильевны, а наш директор, к счастью, человек здравомыслящий, поэтому крутая троица оказалась в свободном полете. Тут и возник вопрос, что с ними делать. Из школы не выгонишь, вроде как не за что. На второй год в сентябре не оставляют, да и с успеваемостью у них все нормально. Что тогда? Конечно! Давайте засунем их к ботаникам! Заодно и коллектив разбавим, а то слишком они там какие-то отсортированные... Наверное, так и рассуждали. А может, и не задумывались, а просто впарили их химичке, потому что она самая молодая и отмазываться еще не умеет. Промолчит перед начальством, а потом неделю будет злющая ходить и вечерами репетировать перед зеркалом, как ей нужно было тогда ответить. Страдать-то в итоге нам...

С приходом Чибиса кривая реальность нашего класса выпрямилась чуть ли не за один день. Целеустремленные вновь превратились в заучек, а очкарики – в ботанов. Было заметно, что ребята сильно напряглись, потеряв завоеванные высоты, но зато блатные ликовали. Они наконец нашли своего лидера и поспешили к нему примкнуть. То, что одним несло кучу неприятностей, для других оказалось спасительной свободой.

Я лично ничего не имел против Чибиса, поэтому к маленькой революции отнесся спокойно. Так даже лучше – привычнее, что ли... Я не слишком любил резкие перемены обстановки, а с переходом в десятый и так уже сталкивался с ними чуть ли не на каждом шагу.

Взять хотя бы тот факт, что учиться мы теперь должны по особому графику. Как минимум раз в неделю нас будут погружать в естественную для медиков среду – поликлинику или больницу. Жесть! Я пару раз был у отца в отделении, мне хватило. Спасибо, больше что-то не тянет. Для меня это территория ужаса. Большая удача, если ты, пройдя от начала до конца по коридору, не встретишь чего-то такого, от чего потом несколько ночей спать не сможешь. Так что по доброй воле я туда ни ногой. Отец говорит: это его вина, что он меня без подготовки привел. Нужно было постепенно привыкать. Это как, интересно? В первый день на крыльце постоял, потом в вестибюле, потом дополз до отделения – и опа! Все нормально! Подумаешь, перебинтованные люди! Подумаешь, без сознания! Ерунда, я в вестибюле и похуже встречал! Бред какой-то! Лично я считаю: человеку либо дано, либо нет. Только мои почему-то уверены, что к медицине можно приучить. Смешно! Как будто котенка к лотку. Родители слишком переоценивают тот факт, что я их единственный ребенок. По их странной логике, все лучшие гены должны были достаться мне. Интересная мысль! Только относительно меня в корне неверная. Мне определенно перепало от них много хорошего, но того, что они хотели бы во мне видеть, я пока не обнаружил и не питаю никаких надежд на то, что это качество когда-нибудь выстрелит.

Быть единственным ребенком в идеальной, любящей семье круто и одновременно ужасно тяжело. Это такая ответ-

ственность, которая может расплющить тебя в лепешку, если ты вдруг слабак. В детстве я получал все, о чем мечтал. Со мной постоянно занимались, никогда не оставляли одного, советовались при принятии важных решений – я был наравне со взрослыми. При этом у них копились какие-то ожидания на мой счет, и я всегда их оправдывал. До сих пор... Однажды я очень долго просил собаку. Они не могли мне ее купить из-за маминого стремления к чистоте, а я все просил, просил... Идиот, лучше бы брата просил! Природа дважды не ошибается. Был бы сейчас рядом подрастающий хирург.

Глава третья

– Слушай сюда, десятый «Б», дважды повторять не буду!

Пронизывающий осенний ветер заставил химичку поднять воротник плаща и натянуть на голову что-то смешное, по форме и цвету напоминающее папаху. Повернувшись к нам лицом, она принялась активно жестикулировать, а я почему-то мысленно пририсовал у нее на лбу красную пятиугольную звезду. Вылитый революционер! Когда мы их по истории проходили, я именно так и представлял.

– Больных не распугиваем, входим через запасной выход и сразу по лестнице наверх, на третий этаж, в пульмонологию.

– Чо за извращение входить через выход? Это негигиенично!

Блатная часть поддержала Чибиса дружным хохотом.

– Чибизов! – Наш командир перешла сначала на визг, потом на шепот. – Еще одно слово – и отправлю тебя в психоневрологическое, санитаром. Будешь там гигиену пропагандировать!

На этот раз, прикрывая рты, скромно хихикали ботаники.

– Значит, так! Я вас вручаю куратору, и, минуточку, больше вы не мой класс! Я никого из вас не знаю и до следующего понедельника знать не желаю. Единственная человеческая просьба: постарайтесь навредить бедным больным по минимуму, оставьте их живыми – просто держитесь от них

подальше. Но если вы кого-нибудь все же придушите, заколете, до инфаркта доведете, с этими проблемами не ко мне. Суть ясна?

Класс молча топтался на месте. Я удивился: как много, оказывается, среди наших тех, кому перспектива посещения больницы так же, как и мне, явно не доставляет удовольствия.

– Я спрашиваю: всем понятно?

– Ясно, – ответил я. Кому-то ведь нужно было ответить.

Химичка смерила меня пренебрежительным взглядом и спустя пару секунд наконец произнесла:

– Чудесно, Ильин.

Запасной выход больницы напоминал именно то место, о котором высказался Чибис. Стены, грязные и обшарпанные, с оставшимися островками краски всевозможных оттенков зеленого на синем, хранили увлекательное описание личности человека по имени Жека. Дойдя до третьего этажа, я узнал, что Жека – лох, слабак и дерьмо (что было вполне логично), но, оказывается, и такого можно любить. Об этом скромно сообщало маленькое сердечко, нарисованное рядом с его именем. Вот и пойми этих девчонок...

Первое, что я услышал, войдя в отделение, было обращение к Богу:

– Боже, как вас много!

Постовой медицинской сестре пришлось приподняться со стула, чтобы получше разглядеть ввалившуюся толпу ново-

бранцев во главе с запыхавшимся командиром.

– Мы ждали не больше десяти человек, – строго обратилась она к химичке.

– Фу-у-ух! Ничего не знаю, сколько дали, всех привела. Не нравится – разбирайтесь с начальством.

– Но сами подумайте! Сколько их?

– В классе двадцать восемь, двое болеют.

– Сами подумайте, – повторила медсестра. – Двадцать шесть человек на одно отделение! Что нам с ними делать?

– А мне с ними что делать? По домам разводить? Нет уж, простите, у меня урок через сорок минут.

Их спор, наверное, продолжался бы еще очень долго, но из ординаторской выглянул молоденький доктор в высоком колпаке, больше похожем на поварской головной убор. Если бы не эти стены, я легко принял бы его за кондитера или повара из суши-бара. Внимательно оглядев химичку, он улыбнулся и обратился к медсестре:

– Ну что вы, Вера Павловна, устроили. Отпустите уже девушку, не видите: она торопится.

– Большое вам спасибо, – произнесла Снежана.

А я, кажется впервые, увидел ее смущенно улыбающейся. Да и просто улыбающейся увидел впервые.

– Вот не умеете вы, Верочка, извлекать выгоду из сложившихся обстоятельств, – произнес доктор после ухода нашей классной, – все бы вам чуть что конфликтовать.

– Но Антон... Вячеславович, ты подумай, сколько их! Тут

и трех процедурных не хватит.

– А кто говорит о процедурных? Зачем процедурные? Нет, это невозможно... Процедурные... хм... Там и так тесно, всего одна кушетка. Но ведь у нас полно других помещений, да?

– Это уж вам решать, – бегло ответила Вера Павловна, – у меня гора работы накопилась. Вот! – Она хлопнула ладонью по толстой стопке исписанных от руки листов. – А еще кварцевание, и Копылова на УЗИ вести, и того, из третьей палаты, новенького с не приведи господь фамилией.

– Девочки, у кого самый красивый в мире почерк? – с улыбкой поинтересовался доктор.

Девчонки, очарованные докторской харизмой, скромно молчали, хотя, наверное, каждая мысленно умоляла, чтобы мы додумались назвать ее имя. Разрушив девчачьи надежды, из толпы вытолкнули очкастого Лаврентьева. Лаврентьев попытался назад, но его место тут же заняли, так что доктору осталось только растерянно добавить:

– И мальчишки...

Спустя несколько минут Лаврентьеву и самовыдвиженке Машке Самойловой было поручено аккуратно заполнять истории болезни прямо тут, на посту. А остальных доктор пригласил спуститься этажом ниже, «туда, где нам никто не помешает».

– Это наша будущая гордость, – говорил он, по-хозяйски обводя взглядом отделение. – Вот доделаем ремонт, и мож-

но начинать гордиться. Представляете: одиннадцать дополнительных палат и даже собственный рентген-кабинет! Четыре года мы выбивали деньги на этот проект – и вот оно! Почти готово! – Он повернулся к нам лицом и, словно дирижер, поднял обе руки вверх. – Сейчас и вы можете внести свой вклад в развитие медицины нашего города. Вот с этой стороны, – он взмахнул рукой вправо, – очень нужно вымыть окна. Девочки, ну, вашим оболтусам такое не под силу, так что вся надежда, как всегда, на сильный женский пол.

Лица всех без исключения девчонок растянулись в широченных улыбках.

И как у него это так гладко выходит?! Помню, во время летней практики я попросил Ленку чисто по-женски за меня один ряд помыть, так она меня в припадке феминизма чуть на месте шваброй не заколола, а сейчас вон с Пекиной за последнюю тряпку готова драться.

– Ну а вы, орлы, давайте вперед, за мной, на разборку интернационального хлама.

Кучка ботаников безропотно повиновалась, остальные не двинулись с места. Сделав пару шагов, но так и не услышав за спиной дружного топота, доктор обернулся.

– Не понял, что за раскол?

Еще бы! С нами сложнее! Это тебе не облака из зефирок и не китайскую лапшу на девчачьи уши мотать.

Чибис начал первым:

– Вообще-то я не в строительный поступал и уборщиком

не устраивался.

– Seriously? – воскликнул доктор. – Неужели ошиблись?!
А где же ты учишься?

– Вы сами знаете. В медицинско-биологическом, а тяжести мне таскать вообще противопоказано. У меня поясница травмирована и по физ-ре освобождение.

– Биологический, говоришь... Не, ну ты прав, стопроцентно. Считай, тебе крупно повезло. Мне как раз нужен человек на биологические массы. Короче, нужно эти биологические массы освободить из биологического организма. Всё по твоему профилю. Организм, конечно, тяжелый, под центнер, но поднимать его не нужно, на правый бок он сам может улечься. Как тебе? Согласен?

Пацаны дружно заржали. Роба Чибиса перекосилась, а потом, когда пришла в норму, он выдавил из себя:

– Нет уж, воздержусь.

– Ну, как знаешь. Тогда остается ликвидация завалов мусора. Там, кстати, среди него не только строительный, биологического тоже много, если хорошо покопаться.

Мысленно матерясь, я подозвал Антоху, и мы первыми подошли к носилкам. В отличие от других, я твердо намеревался свалить после третьего рейса, так что не видел смысла затягивать с работой. Мы поспешно нагрузили носилки обломками кирпичей, кусками отвалившейся штукатурки и прочим хламом, соорудив приличную кучу, и, пошатываясь, направились в сторону выхода.

– Вот! Передовики, отличники! Молодчики, пацаны! Подождите, я вам покажу, куда нести, – обрадовался доктор и поспешил распахнуть перед нами входную пластиковую дверь.

– Нам обещали, что уколы делать научат! – неожиданно для всех заныл сын школьной медички Ванька Филиппов.

Доктор резко остановился перед распахнутой дверью, загородив собой проход.

– И научат! – воскликнул он. – Обязательно научат, просто не здесь. Не в нашем отделении. Для нас, как видите, важен физический труд. А вы не переживайте, вам еще по всем медицинским заведениям города гастролировать. Всего посмотритесь, всему научитесь. Так что будете этот день с благодарностью вспоминать, как самый светлый на вашем нелегком пути! Ну... – Он наконец посторонился, уступая нам с Антохой дорогу. – Не стоим – работаем, работаем!

После второго спуска к мусорной куче я понял, что выбрал неверную тактику. Во-первых, я забыл о табеле успеваемости, а это означало, что исчезнуть раньше положенного срока не удастся. Во-вторых, каторга заканчивалась ровно в три часа, следовательно, оставалось чуть больше двадцати минут, которые умнее было бы провести спокойно, без лишней суеты. Дождаться, пока доктор отметит явку на моем листе, и с чистой совестью навсегда покинуть отделение. Да, так и следовало поступить. Только, не спеша поднимаясь по лестнице, я вдруг услышал хриплый свист. Сначала

ла подумал, что шаркаю подошвами ботинок, но затем, прислушавшись, поднял голову и между вторым и третьим этажами увидел пожилую женщину. Она тяжело облокотилась прямо на пыльные перила. Я растерялся и замедлил шаг, не зная, как поступить. К счастью, она сама обратилась ко мне с просьбой.

ОТДЕЛЕНИЕ

– Сынок, помоги подняться, – прошептала она, едва дыша, и, словно оправдываясь, добавила: – Хотела воздухом подышать, да что-то не вовремя бабку прихватило.

Я ужасно испугался, что она может умереть прямо здесь, на лестнице. Попытался вспомнить технику выполнения искусственного дыхания, но в голову лез сплошной бред, сопровождаемый жуткими картинками. Дрожащей рукой я взял ее под локоть, и медленно, останавливаясь на каждой ступеньке, чтобы передохнуть, мы поднялись в пульмонологию. Усадив бабушку на ближайшую кушетку, я рванул в ординаторскую, распахнул дверь и, не зная, к кому обратиться, заорал прямо с порога:

– Там бабушке плохо, она это... задыхается, по-моему!

Три человека разом уставились на меня так, будто я совершил что-то сверхвыдающееся, типа признался, что у меня птичий грипп или еще какая-нибудь опасная зараза. Только в том случае они обязательно повскакивали бы со своих мест, а сейчас оставались сидеть неподвижно, испепеляя немым негодованием. Первым заговорил самый толстый, самый взрослый и, скорее всего, самый главный из здешних врачей:

– Молодой человек, «по-моему» – это не повод вот так врываться. Закройте дверь, у нас совещание.

– Вы же чай пьете?! – Голову я включил уже после того, как ляпнул, и моя констатация событий оказалась вовсе не к

месту. Чтобы как-то смягчить, я добавил: – Ей правда плохо, она еле шла! Вы должны что-то сделать! Разве нет?

– Давайте я посмотрю, что там. – Доктор-кондитер привстал с дивана.

Но главный тут же остановил его:

– Антон Вячеславович, соблюдайте субординацию. Это моя больная, скорее всего, из десятой палаты. У нее капельница, – он посмотрел на часы, – через три минуты. Вера Павловна в курсе. А вас, – он указал на меня пальцем, – я настойчиво прошу покинуть ординаторскую и впредь не примерять на себя роль лечащего врача. Нужно уметь контролировать свои эмоции; вы в больнице, а не в цирке!

«Не примерять роль врача...» – фу, до чего противно звучит! А что мне оставалось делать?

Закрыв дверь, я вернулся к кушетке. Моя подопечная либо ушла, либо резко помолодела: сидящей вместо нее женщине я не дал бы и сорока. Увидев меня, она протянула мне баночку йогурта.

– Вот, это тебе. Баба Лиза просила передать. Ей самой капельницу прикатали, не смогла тебя дождаться.

От вида йогурта меня затошнило. Я молча взял его, вернулся на пост, вытащил свой рюкзак из недр огромной общей кучи и, перепрыгивая через две ступеньки, выбежал на улицу. Здание больницы отбрасывало на землю гигантскую черную тень. Тогда я думал, что смотрю на него в последний раз. Выбросив йогурт в ближайшую урну, я бегом направился к

автобусной остановке. Сейчас совсем не важно, какой маршрут придет первым. Куда угодно, лишь бы подальше отсюда. В кармане настойчиво вибрировал телефон. Звонил Антоха. Я не стал брать трубку. Я злился на всех, с кем сегодня пришлось общаться, даже на него. За что на Антоху? Не знаю... За то, что водится с таким недоумком, как я...

Дома я рассчитывал побыть один, но, судя по ключу, вставленному с внутренней стороны дверного замка, мама уже успела вернуться. Значит, опять поменяла график.

– Ну? Как ты, Максимушка? Как первый день в больнице? Хотя вас, наверное, не сильно нагружали, но ведь что-то показали, да? – Она радовалась, как ребенок, нисколько не пытаясь скрыть свои чувства, и, казалось, даже подпрыгивала от любопытства и нетерпения.

Интересно, ей тоже приходится сдерживать эмоции, находясь на работе? Зная маму, с уверенностью могу предположить, что это дается ей с большим трудом.

В отличие от нее, я свои чувства предпочел не афишировать. Нужно быть последним дебилом, чтобы вот так взять и разныться, что работать заставили. И уж тем более не стоило рассказывать о том, каким неврастеничным идиотом показал себя ее сын. Я терпеть не могу разочаровывать родителей, поэтому долго возился с ботинками, чтобы успеть сострять на лице подобие улыбки. Судя по маминой реакции, получилось неплохо.

– Да в первый день ничего особенного... – промямлил я.

– Ну... ладно. Главное, не переживай и не делай поспешных выводов. Начало всегда такое, ознакомительное.

От этой мысли моя поставленная актерская улыбка внезапно превратилась в натуральную. Если сегодня у нас было введение в специальность, то после выпускного спокойно смогу подаваться в гастарбайтеры. Неплохая, кстати, идея. Или вообще уборщиком в больницу устраюсь – и, считай, в медицинской сфере. Почти по стопам знаменитых предков. Мама по-своему поняла мое веселье и на радостях поделилась со мной тем, о чем я предпочел бы не знать.

– Мы с папой так тобой гордимся! Я рассказала о тебе заведующей, и та очень удивилась существованию подобных классов. Она даже предложила вам попрактиковаться в нашей поликлинике, представляешь?!

– Тоже ремонт намечается?

Блин, я снова ляпнул не подумав.

– Что? Нет, с чего ты взял?

– Так просто, ничего...

Пританцовывая, мама упорхнула на кухню ставить чайник, а я принялся отмывать перепачканные по локоть руки. «Почти что хирург!» – усмехнулся я своему нелепому отражению. «А точнее, лошара, не умеющий аккуратно обращаться с отходами», – ответило оно.

Глава четвертая

Кроме продавцов с центрального рынка, который не работает только по понедельникам, никто больше этот день не любит. Вот и я не исключение. Первым уроком алгебра с ее озверевшими логарифмами, вторым – химия с озверевшей химичкой. То есть сначала я сам пойму, что я тупой, а затем мне об этом настойчиво сообщат, и, скорее всего, не один раз.

– По поводу пятницы... – Снежана Анатольевна, любительница начинать без прелюдий, произнесла эти слова прямо с порога, вместо обыденного приветствия. – Все справились, все молодцы. Кроме Ильина, конечно. Я не пойму: ты, Ильин, какой-то особенный?

Я молча покачал головой.

– Тогда с чего ты взял, что можешь отдыхать, пока остальные вкалывают? Что за вседозволенность?

– Но он работал! – вступился за меня Антоха. – Честное слово, мы вместе таскали.

– Антон, это похвально, наверное, выгораживать друзей, но не в стенах школы. У меня на руках табель, в котором Ильин – единственный из всего класса с неотмеченной явкой. Где ты был?

– Человека спасал, – ответил я, глядя на нее в упор.

Химичка поправила очки, вероятно, чтобы лучше видеть

мои лживые глаза, и, медленно выговаривая каждое слово, спросила:

– Кто-нибудь может это подтвердить?

Я пожал плечами и отвернулся к окну, давая понять, что большего она от меня не добьется.

– Спасти, значит, не удалось... Мой тебе совет, Ильин, берись за ум. Только не думай, что мы на этом закончили, – после урока продолжим.

– А правда, ты на фига смотался? – пригнувшись к парте, шепотом спросил Антоха. – Докторишка этот тебя искал, просил, чтобы ты ему свою ведомость занес. Он нас даже раньше отпустил в итоге, расписался у всех, удачи пожелал и по домам отправил.

– Надоело – вот и смотался.

– Странный ты какой-то в последнее время...

– Это вы все странные! – Я сам удивился тому, как громко сказал эти слова – почти проорал, затем посмотрел на Антохино изумленное лицо и, пытаясь что-то исправить, шепотом добавил: – То есть они.

– И хорош химичку бесить, – деловито посоветовал Антон.

– Я ее не бешу, она сама от меня бесится. Что мне сделать, если я тут сижу? Извините, бесследно испаряться, как ртуть, еще не научился.

А про себя я подумал, что было бы неплохо испариться и травануть ее разок парами. Не сильно, но чтобы до тошно-

ты. Только для этого придется разбить стеклянный колпак, под которым я все время нахожусь на ее уроке, и извлечься наружу. С другой стороны, кто знает: может, химичку и так от меня постоянно тошнит, от одного только вида?

– Возьми тетрадь да списывай с доски. Что сложного? – продолжил Антоха свои нотации. – Мне, наоборот, со Снежаной Анатольевной проще, чем с другими учителями. Она лишнего вообще не спрашивает. Только что сама задала, слово в слово. Не то что твоя Нина Васильевна – начинает с биографии Толстого, заканчивает правами каких-то крестьян. Попробуй пойми, куда учить.

Повернувшись к нам спиной, химичка старательно выводила на доске тему урока. Я сощурился, пытаясь соединить размытые плавающие буквы в одну четкую линию, и еле удержался, чтобы не расхохотаться в голос. Слушая мои короткие судорожные смешки, Антоха поинтересовался:

– Сейчас чего ржешь?

– Алкаши! – Я пальцем показал на доску. – Это она нас приветствует?!

– Алканы, баран! На той неделе же предупреждала, что по углеводородам самостоялка будет.

– И что, готовился?

– Ну, так... – Глаз у Антохи предательски дернулся. – Немного совсем.

– Везунчик! – добавил я.

Жаль, что алканы. Про алкашей я бы ей целый доклад накатал. Теперь получается – без шансов. Перспектива будущей двойки не сильно меня пугала (одной больше, одной меньше), а вот видеть в очередной раз торжествующее лицо химички и слышать свою фамилию, произнесенную ее коверкающей интонацией, – это просто испытание для моих нервов. И как у нее получается: произносит «Ильин», а звучит это вроде «Ишак»? А может, это я к ней цепляюсь? Может, и вправду нужно что-то делать? Только сам я уже не справлюсь – больше года учебник толком не открывал. Да и сдача пустого листка после контрольной не лучший способ произвести впечатление.

Хорошенько подумав, я понял, что сближение с химичкой временно недоступно, но при этом отметил для себя необходимость каких-то шагов. В первую очередь к знаниям, во вторую – к оценкам.

– Я не сдал, – честно признался я, проходя мимо ее стола.

– Я не сомневалась, – так же честно ответила она. – Две двойки.

– Почему сразу две? – возмутился я. – Что еще за клонирование?!

– Считай! Одна – за урок, вторая – за пятничный прогул. Все справедливо.

– Ну да...

– Знаешь, – добавила химичка после некоторой паузы, – будь я рядовым учителем, я бы глубоко наплевала на твою успеваемость, но пока я, к несчастью, несу ответственность за ваш класс, вынуждена сказать тебе...

«О нет! Типичное начало занудной и бесполезной лекции, – успел подумать я перед тем, как в дверях появилась Нина Васильевна. – Только не перед ней, пожалуйста!»

– Добрый день! – Она улыбнулась нам с химичкой одновременно. – Представляете, в кабинете литературы слесари колдуют над лопнувшей трубой, поэтому урок перенесли к вам. Вы, Снежана Анатольевна, уже закончили? Я не помешала?

– О, конечно! – спохватилась химичка, хватая со стола свою сумочку. – Пожалуйста, присаживайтесь. С Ильиным у

меня давняя история, подождет.

Не вдаваясь в подробности, химичка вышла из кабинета, и мы с Ниной Васильевной, не считая парочки умников, остались практически один на один.

– Что там у вас за история такая? – спросила она, лукаво подмигивая.

Я только улыбнулся в ответ.

– Молчишь, значит. А мы сейчас сами всё узнаем... О, я смотрю, продолжаешь коллекционировать химические двойки... Ого! В чем дело, Максим? Я... Прости, что вмешиваюсь, но я просто не могу понять. Почему ты? Ну иди сюда, посмотри. – Она перевернула журнал, чтобы мне было удобнее разглядеть. – Даже у Сафина тройки. У Сафина, который за всю жизнь ни одного стихотворения от начала до конца не рассказал, потому что у него память дырявая, который из пяти учебных дней три прогуливает? А, Максим? Должна же быть причина. Ну если действительно сложно, хочешь, я помогу?

– Как? – снова улыбнулся я. Глупо было отрицать свидетельствующие против меня факты.

– Ну не сама уж! Есть один знакомый. Он сейчас, конечно, редко берет ребят, но, я думаю, пойдет навстречу. Давай соглашайся! Мне еще в прошлом году нужно было вмешаться, пока вы были моими, но надеялась, Снежана Анатольевна сама с тобой справится. Правда, Максим, ты ведь умный парень. Ты понимаешь, что дальше валять дурака не полу-

чится? А отец? Ничего не говорит?

– Он не знает.

– Вот пока не узнал, начинай заниматься. Андрей Михайлович тебя за пару занятий подтянет. Гарантирую! Вечером ему позвоню.

– Ну, я, конечно, думал... – промямлил я, все еще сомневаясь.

– «Думал» он! Тут действовать давно пора.

Нина Васильевна говорила настолько убедительно, что к концу разговора у меня сложилось ощущение, будто я сам просил ее найти мне репетитора.

– Спасибо.

Я прекрасно знал, что она не успокоится, пока не передаст меня в цепкие лапы какого-нибудь фанатика, а значит, секунду назад я добровольно подписался под тем, что буду слушать химическую муть весь учебный год.

– Не за что! А, погоди-ка! По поводу благодарности... Ты почему, голубчик, драмкружок прогуливаешь?

– Ну... я думал, в этом году нету... – растерялся я.

– «Думал, нету»! – Нина Васильевна передразнила меня голосом кота Матроскина. – Лентяй ты стал! Жду в субботу после двенадцати в восьмом кабинете. У нас, к твоему сведению, Шекспир горит!

Глава пятая

Странно... С Робертом мы учимся в параллельных десятых классах, а до этого никогда друг друга толком не замечали. Лицо знакомое, знал, что он вроде из алгеброидов, но, если бы на улице встретил, может, и не поздоровался бы. Наше близкое знакомство состоялось в доме репетитора химии, где мы очутились совершенно по разным причинам. Я – потому что мои знания предмета перестали тянуть даже на нечто среднее между «не жутко плохо» и «недостаточно удовлетворительно»; Роберт – так как был главной надеждой школы и города на победу в олимпиаде. Роберта задолго до этого уговаривал сам Андрей Михайлович; за меня Андрея Михайловича после нашего с ней разговора слёзно молила Нина Васильевна. Обе эти попытки увенчались успехом, и вот нам троим суждено находиться в одной комнате, больше похожей на лабораторию, чем на человеческое жилище.

Переступив порог этой комнаты, я тотчас разозлился на себя за то, что послушался Нину Васильевну, и на саму Нину Васильевну, которая, как мне тогда показалось, сильно преувеличивает заботу обо мне. Мало того что я каждую субботу несколько часов вновь буду проводить в ее кабинете в обществе, называющем себя «Драмкружок» (там я хотя бы чувствую себя в своей шкуре вполне свободно), так теперь еще должен находиться среди бесконечных колбочек и стек-

ляшек, с которыми меня связывает только страх расколоть их все разом одним неловким движением.

Роберт пришел раньше меня. Сразу видно, что он здесь далеко не в первый раз. Он по-хозяйски подкрутил штатив и перешел к следующему шедевру инженерной мысли, название и предназначение которого я не знал.

– Магнитная мешалка, – с улыбкой пояснил он.

– А-а... – Что еще я мог сказать?

– Применяется для растворения труднорастворимых веществ.

– Круть!

– Познакомились, ребята? – В комнату наконец вошел Андрей Михайлович Синицын, своим появлением покончивший с повисшей было паузой.

– Роберт. – Парень протянул мне свою руку.

Его рукопожатие заставило меня впервые внимательно посмотреть на него. Чем-то отличалось оно от того, как здоровались мои знакомые пацаны. Одни сжимали твою ладонь слишком сильно, трясли ее, словно встряхивали градусник, демонстративно показывая свое несуществующее преимущество; другие – такие, как Антон, – жали лениво и вяло, будто их утомляет этот дурацкий ритуальный жест. Не знаю, каким образом, но приветствие Роберта сработало как разрядник и моментально сняло мое недавно возникшее напряжение.

Мы с ним одного роста – чуть выше среднего, правда он

намного стройнее меня. Если он и занимался спортом, то никак не борьбой. Возможно, легкая атлетика или, скорее, акробатика, поскольку в его движениях чувствовалась не только природная, но и поставленная гибкость. Внешность – девчонки бы, наверное, нашли его симпатичным и описали гораздо лучше. Все, что я смог отметить, – смуглая кожа, темные волосы и большие карие глаза.

– Максим, – представился я в ответ.

– Отлично. Ну, Роби, все проверил? – поинтересовался наш учитель.

– Ага-а... – протянул тот со знанием дела. – Роторный испаритель, правда, опять отконтактился.

– Прости, Макс, испарять лягушек сегодня не получится! – ухмыльнулся Синицын. – Я должен проверить свои догадки относительно того, кто приложил к этому руку, а точнее, если я правильно думаю, – лапу. – Он покрутил в руках отлетевший провод и вдруг заорал на всю комнату: – Панглосс!

С верхней полки, находящейся над моей головой, рухнуло что-то черное, бесформенное и, судя по звуку, очень тяжелое. После того как оно с великой неохотой поднялось на свои четыре лапы, я разглядел в нем очертания кота.

– Панглосс, на прошлой неделе, пользуясь моей благосклонностью, ты вымолил последнее предупреждение. И что же, опять за старое? Я уверен, что когда-нибудь ты перегрызешь правильный провод и самостоятельно пригодишь

ужин к моему возвращению в виде жареного себя!

Роберт рассмеялся. Я бы тоже хохотал при виде явно сконфуженного своим падением кота, но сейчас мое внимание занимало другое.

– Вы назвали его Панглосс? – спросил я Андрея Михайловича.

– Так точно. Тебе нравится это имя?

– Да, ему ужасно идет. Думаю, он даже чем-то похож на своего литературного тезку.

Я не собирался умничать, просто когда читаешь определенную книгу, она становится как бы частью твоей реальности, и ты начинаешь говорить о ней, как о чем-то привычном и знакомом. Я прочел вольтеровского «Кандида» сравнительно недавно, поэтому отчетливо помнил описываемые события и имена героев. Выбирал я это произведение, что называется, «пальцем в небо». В списке рекомендуемых к прочтению книг оно шло под номером девять. Девять – число моего рождения. И поскольку на тот период у меня не было определенных предпочтений, я остановился на Вольтере. Правда, в какой-то момент я готов был забросить его, но сейчас был доволен, что прочел до конца.

– Ты читал Вольтера? – удивленно спросил учитель.

– Вы, кажется, тоже, – смутился я.

Он улыбнулся:

– Да, но не в шестнадцать лет. Какие сложности с моим предметом могут быть у парня, читающего Вольтера, как я полагаю, по собственному желанию? Скажи, Нина Васильевна не стояла с пистолетом у твоего виска, пока ты одолевал это произведение? Я знаю: она тот еще тиран!

– Я благоразумно не сообщал ей об этом подвиге. Что касается вашего предмета, в повести, к сожалению, не учат испарять лягушек. По крайней мере, не описывают сам про-

цесс.

Синицын, улыбаясь, подмигнул Роберту. Тот посмотрел на меня, и я больше не чувствовал себя двоечником-изгоем: я полностью подчинился той атмосфере, которая возникает обычно между старыми приятелями, – атмосфере абсолютного взаимопонимания.

Панглосс, казалось, понял, что прощен. Он потерял о ноги хозяина и решил, что ему позволено вернуться на свое прежнее место. Это была завораживающая борьба великой кошачьей грации с нажитым долгими годами ожирением. Запрыгнув на стол, заставленный стеклянными пробирками, он виртуозно обогнул каждую из них, добрался до пространства, будто специально расчищенного для его кошачьей пятой точки, томительно запрокинул голову вверх и совершил потрясающий прыжок, явно противоречащий всем законам физики. Вскоре до нас донесся его храп. Эти звуки были не чем иным, как настоящим кошачьим храпом.

– Когда-нибудь во сне он свалится мне на голову, – обреченно произнес его хозяин. – Но мы с вами отвлеклись. Макс, с чего бы ты предпочел начать?

Я пожал плечами. У меня не было определенных пробелов в этом предмете: вся химия являла собой один огромный пробел.

– Тогда, пожалуй, с наглядного опыта, – ответил он за меня.

Тут началось настоящее химическое шоу! Он наполнял

пробирки жидкостью, меняющей цвет лучше любого хамелеона, опустошал их, наполнял чем-то другим, грел и охлаждал, поджигал, тушил и снова поджигал. Их содержимое пенилось, бурлило, дымило. Комната наполнилась стойкими запахами химических веществ. Я как замороженный не сводил глаз с его рук, пытаюсь запомнить ход реакций.

Мысленно я вдруг провел параллель с моей школьной химичкой. И с чего мне приспичило анализировать Снежану? Если подумать, это довольно еще молодая женщина, наделенная шикарными внешними данными. Может быть, действительно существует какой-то лимит способностей, которыми природа одаривает человека при рождении, потому что ее выдающаяся красота меркнет на фоне полного отсутствия душевности. Я всегда считал, что молодые педагоги, не замученные ведением журналов, отчетами, непроходимыми тупицами и, главное, неисправимыми нахалами, ревностно относятся к своей работе. Если это было действительно так, то Снежана Анатольевна оказалась исключением из этого правила. В первую очередь на рабочем месте ее интересует отчетность. Заполнив необходимые документы на своем столе, она приступает к заполнению пространства доски. Механические движения бесцветного мела по выгоревшей поверхности.

– Уравнение химической реакции... Валентность... Рисуем стрелочки... Вернусь – проверю...

А теперь еще и дурацкие алкаши-алканы... Разве обрыв-

ки этих фраз, долетавших до моего сознания, могли зародить во мне хоть малейшее желание к осмыслению написанного? Может, я и дальше неудачно списывал бы у Антохи, если бы, по мнению Нины Васильевны, не был «парнем умным, подающим надежды, да и родители у него интеллигентные».

Мои размышления внезапно прервал громкий женский голос, доносящийся из коридора:

– Опять надымили тут, черти полосатые! Выкурить меня решили? Дымище валом валит!

Голос звучал зычно и отчетливо, но отдельно, никому не принадлежав. Через минуту в комнату шаркающими шажочками вплыла хозяйка голоса.

«Тортила...» – была моя первая мысль при виде старушечки. Уж очень сильно она напоминала эту черепаху.

– Черти явились за тобой, бабуль, но я уговорил их остаться и выпить чаю, – сквозь смех ответил Синицын.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.